

irrespective of temporal distance⁷, informal conversation — SP preferred for non-hodiernal events, historical events with persistent result — preferably SP, historical events — preferably SP, tales — preferably SP. Как видим, напрямую Перфект (СР) здесь не упоминается вовсе, и о наличии употреблений СР в ответах информантов можно лишь догадываться, выводя из формулировки «SP preferred for non-hodiernal events» для группы «informal conversation», что в случае «hodiernal events» наблюдалось употребление СР. Следует учесть, что из другого раздела работы [Dahl (ed.) 2000a] мы узнаем, что в рамках проекта язык считался обладающим перфектом в том случае, если в первых семи пунктах вопросника информанты в основном использовали (а в следующих четырех не использовали) некую (специализированную) глагольную форму, ср.: «A language possesses a perfect if it has a gram, associated with the verb, that is used in most of the first seven examples — which illustrate kinds of CR (current relevance. — Е. Г.) of past situation — but is *not* used in the following four examples, consisting of short narratives» [Lindstedt 2000: 366]. Исходя из этого, а также из факта включения ИЯ в перечень романских языков, обладающих перфектом, можно предположить, что в первых семи контекстах испаноязычные информанты все же (в основном) СР использовали. Немаловажно и то, что в соответствии с предложенным Й. Линдстедтом «операционным» правилом, процитированном выше, ИЯ, строго говоря, не должен считаться перфектным языком, поскольку в группе личных рассказов (номера в вопроснике 8–13, см. сноску 7), куда попадают «следующие четыре» (после 7-ого, т. е. контексты 8, 9, 10, 11), информанты, по данным М. Сквартини и П. М. Бертинетто, употребляли «преимущественно SP» (с другой стороны, из «преимущественно» следует, что некоторое количество употреблений СР, по-видимому, все же имело место). Таким образом, в этом отношении (в рамках

⁷ К группе контекстов «personal narratives» имеют отношение вопросы из перфектного вопросника 8–13, которые различаются введенными адвербиалами: 8 — *an hour ago*, 9 — *yesterday (happened to me)*, 10 — *yesterday (happened to my brother)*, 11 — *once, when I was a child*, 12 — *an hour ago*, 13 — *once, when I was a child*; к группе «informal conversation» — 20–21; к группе «historical events with persistent result» — 72, 74; к группе «historical events» — 23, 25; к группе «tales» — 61 [Squartini, Bertinetto 2000: 421–422].

проведенного исследования) ИЯ ведет себя далеко не лучшим образом по отношению к типологическим ожиданиям и требованиям к граммеме (граму) перфекта.

Статус «операционного правила» имеет и следующее утверждение Й. Линдстедта: «When a perfect can be used as a narrative tense (with the possible exception of evidential context, see below), it has ceased to be a perfect» [Lindstedt 2000: 371]. И оно вступает в серьезное противоречие с практикой употребления исп. СР (в том числе и в рамках испаноязычных ответов на перфектный вопросник (=PFQ) в [Dahl (ed.) 2000a], см. выше). При этом отметим, что если, обнаружив языковые факты нарративного употребления Перфекта в ИЯ (а они имеются, см. иллюстрации ниже), мы примем решение отказать испанской (посессивной) конструкции с глаголом *haber* в статусе выразителя перфектной граммы (чего, кстати, в испанистике никогда не делалось) и будем говорить о его уже совершившемся аористическом перерождении⁸, мы окажемся перед следующим набором аспектуально-темпоральных граммем испанского глагола в плане прошедшего: Имперфект, Аорист-1 (SP), Аорист-2 (бывший СР), Плюсquamперфект (для упрощения картины комбинации этих граммем с Прогрессивом здесь не учитывались). При этом синтетический Аорист-1 не обнаруживает признаков отмирания (см. ниже в разделе 3), а СР продолжает выражать типично перфектные значения, в частности, экспериенциальное и имедиатное, объединенные свойством обозначать «текущую релевантность». Поэтому данное Линдстедтом объяснение использованию информантом из г. Аликанте (Испания) в контексте № 8 (перфектного вопросника) формы СР, а в контексте № 9 — SP (в обоих случаях тип текста — *personal narratives* — предполагает цепочку действий, различие заключается в адвербиалах, обеспечивающих в № 8 интерпретацию *hodiernal*, а в № 9 — *pre-hodiernal*, см. сноску 7) через сдвиг СР в сторону имедиатно-прошедшего значения (*recent past meaning*) [Lindstedt 2000: 373–374] не представляется адекватным на системном уровне (если имеется в виду охват всех случаев использования соответствующей глагольной формы в ИЯ). Приведем этот материал:

⁸ Интересно отметить, что в [Squartini, Bertinetto 2000: 422; Figure 1] ИЯ занимает позицию в исходной точке аористического дрейфа — <more perfectal>, завершающегося конечной точкой — <pure aoristic>.

Alicante Spanish

a. (PFQ8)

[Do you know what happened to me just one hour ago?]

Yo estaba andando en el bosque. De pronto, *he pisado* una culebra. Me *ha mordido* en la pierna. *He cogido* una piedra y se la *he tirado* a la culebra. *Se ha muerto*.

b. (PFQ9)

[Do you know what happened to me yesterday?]

Yo estaba andando en el bosque. De pronto, pisé una culebra. Me mordió en la pierna. Cogí una piedra y se la tiré a la culebra. Se murió.

‘I was walking in the forest. Suddenly I stepped on a snake. It bit me in the leg. I picked on a stone and threw it at the snake. It died.’

The italicized forms in (a) are Perfects; in (b), Perfective Past are used instead [Lindstedt 2000: 373–374]⁹.

Зафиксируем на данный момент невыполнение исп. Перфектом двух типологически предсказанных ограничений: на сочетаемость с темпорально-специфицированными адвербиалами и на невозможность выступать в нарративной цепочке, чтобы вернуться к этим проблемам в разделе 3. Обратимся к семантической составляющей перфекта.

Семантический спектр перфекта в соответствии с уже установившейся с начала 70-х гг. 20-го века традицией может быть представлен как перечень четырех «типов употребления» (у Б. Комри — «типов перфекта», см., в частности, [McCawley 1971; Comrie 1976: 56; Dahl 1985: 132]):

- i. результирующий перфект (perfect of result, stative perfect);
- ii. экспериенциальный (или экзистенциальный) перфект (experiential, existential perfect);
- iii. перфект наличной ситуации (perfect of persistent situation), инклюзивный перфект, континуальный перфект, универсальный перфект;
- iv. иммедиатный перфект (perfect of recent past, ‘hot news’ perfect)

(порядок следования дан в соответствии с [Dahl 1985: 132–133]; там же автор отмечает, что выделенные типы не являются четко разделяемыми и, в частности, (i) и (iv) в существенной степени пересекаются;

⁹ Я позволила себе выделить курсивом одну пропущенную автором форму Перфекта — *he tirado*.

в [Michaelis 1998: 115] представлен перечень из трех «прочтений» англ. Перфекта — отсутствует (iv)).

Представленный перечень, основанный на анализе употребления англ. Перфекта (Present Perfect), взятого в качестве наиболее типичного представителя универсального перфекта¹⁰, служит семантическим основанием для двух уже упомянутых очень существенных дискурсивных ограничений, ожидаемых по отношению к перфекту: невозможности формировать нарративную цепочку (см., в частности, [Lindstedt 2000: 371; Плунгян 2011б]) и несочетаемости с указанием на специфицированную точку или отрезок на оси времени (напр., [Comrie 1976: 54; Плунгян 2011а: 389,б]¹¹).

Далее, весьма существенной является оценка перфекта как диахронически неустойчивой граммемы (см. цитату выше из [Плунгян 2011а], а также [Черткова 1998; 2004: 116–117; Squartini, Bertinetto 2000; Сичинава 2008]), являющей собой промежуточный этап в рамках магистрального пути развития результатов > перфект > перфектив/претерит [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 105]. В [Плунгян 2011а: 390–395,б] такой путь развития рассматривается как один из возможных сценариев и обозначается как «расширенный перфект», альтернативой которому являются «специализированный перфект» (как правило, в экспериенциальном, иммедиатном или эвиденциальном значении; как возможный путь он рассматривается и в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 105]) и «слабый перфект».

¹⁰ Б. Комри приводит следующее соображение по этому поводу: «Most of the examples in this chapter will be from English, where there is a clear formal distinction between forms with perfect meaning, and those with nonperfect meaning» (с оговорками в сноске, что в АЯ имеется вариативность в области разграничения перфекта и неперфекта и в особенности это касается американской разновидности АЯ) [Comrie 1976: 53]. О вариативности в АЯ, имеющей отношение к сочетаемости с указанием на определенное время ситуации см., в частности, в [Миллер 1998].

¹¹ Б. Комри, впрочем, (совершенно справедливо) указывает на то, что эта несочетаемость характерна для англ. Перфекта, но не для перфекта вообще: «It is not clear that the mutual exclusiveness of the perfect and specification of the time of a situation is a necessary state of affairs in a language. In Spanish, for instance, where the Perfect does have specifically perfect meaning, it is still possible to specify exactly the time of the past situation, as in *me he levantado a las cinco* 'I got up at five o'clock' (in replay to a question why I am looking so tired), *Gustavo Ferrán ha muerto ayer ... se ha estrellado anoche en los montes de nieve* 'Gustavo Ferrán died yesterday ... he crashed last night on the snow-covered mountains', where the Perfect would be impossible in the English glosses» [Comrie 1976: 54].

Наконец, к общетипологическим системным требованиям относится и то, что само существование граммемы перфекта оправдано, по-видимому, только в тех аспектуально-темпоральных системах, в которых имеется параллельное существование (и противопоставленность) перфекта и хотя бы еще одной граммемы, способной обозначать ситуацию со временем события (E(vent) по Х. Рейхенбаху [Reichenbach 1947]), расположенным ранее момента речи. Если это условие не соблюдается, как, например, в современном русском языке, то граммема, диахронически являющаяся перфектом, становится претеритом, см. [Lindstedt 2000: 372; Плунгян 2011а: 390].

Последнее положение наименее проблематично для исп. Перфекта, поскольку для обозначения ситуации, предшествующей моменту речи, в сфере абсолютных видо-временных возможностей ИЯ располагает еще и оппозицией Имперфект ~ Аорист (*cantaba ~ cantó* '(он/она) пел ~ (про)пел'. (Отметим, кстати, что исп. Перфект в дескриптивной традиции испанской грамматики обычно обозначается как форма прошедшего: *Pretérito Perfecto Compuesto* или *Pasado Compuesto*, хотя в сфере *consecutio temporum* выступает как форма плана настоящего; впрочем, имеется и идущая от А. Бельо [Bello 1853] традиция термина *ante-presente* 'преднастоящее').

Однако все остальные положения, начиная с набора реализуемых значений, переходя к вытекающим из них дискурсивно-сочетаемым ограничениям и заканчивая вопросом о месте исп. Перфекта на одном из путей грамматикализации, дают широкое поле для комментариев и уточнений относительно соответствия этой граммемы типологическим ожиданиям. Всем этим вопросам будут посвящены специальные разделы, в том числе и такому ключевому для перфекта понятию, как «текущая релевантность», рассматриваемому в разделе 2.

2. Семантика перфекта: «текущая релевантность» или...?

Как уже было сказано, понятие «текущей релевантности» (*present relevance* в [Comrie 1976], впоследствии — *current relevance*) является на данный момент наиболее распространенным понятием, призванным охарактеризовать семантику перфекта. В [Michaelis 1998: xii] оно определено как: «[a] pragmatic property traditionally said to be a conventional feature of the meaning of the present perfect. The property is that of signaling that a past event is somehow important in light of the present concerns of the interlocutors.»

Имеются и альтернативные трактовки семантики перфекта: в рамках «темпорального» подхода [Declerck 1991; Klein 1992; 1994; Bybee, Perkins, Pagliuca 1994] и формально-логического, «scope solution», представляющего перфект в первую очередь как таксисную граммему с функцией выражения предшествования моменту речи в рамках расширенного настоящего (extended now) [Bennett, Partee 1978; McCoard 1978; Dowty 1979; Richards, Heny 1982], см. [Плунгян 2011б] (возможно, к этому подходу близка и позиция Е. В. Падучевой в [Падучева 2008: 68–74]).

Уязвимость того и другого подхода, основанная на обнаружении таких ограничений на сочетаемость англ. Перфекта с адвербиалами, которые не могут быть объяснены в рамках этих подходов, хорошо показана в [Michaelis 1998]¹². Но представляется интересным более подробно остановиться на критике объяснительной силы понятия «текущей релевантности» и обратиться к соответствующей аргументации в [Klein 1992: 531–532], принимая при этом во внимание в том числе и исп. Перфект. В. Клейн утверждает, что понятие «текущей релевантности» не может помочь решить «перфектную головоломку» (the present perfect puzzle), которая эксплицирована следующими двумя примерами и сводится к различиям в инференциях:

(1a) *Chris has left York.*

(1б) *Chris left York.*

(пример (17) из [Там же: 531])

В (1а) фиксируется ощущение, что Крис находится теперь в любом другом месте, отличном от Йорка, в то время как (1б) является простым сообщением об имевшем место в прошлом событии, но при этом в обоих случаях отъезд Криса из Йорка может находиться на одинаковом удалении в плане прошедшего (in both cases the leaving may be equally far in the past) [Там же].

¹² Автор называет оба подхода композиционными и считает, что практически они эквивалентны, ср.: «The „scope solution“ and the P-Definiteness Constraint are similar modes of explanation: each attributes the Pr(esent)P(perfect) based time-specification restriction to the fact that speech time and reference time are the same» [Michaelis 1998: 119–120]. Относительно P-Definiteness Constraint, ограничения на позиционную определенность, введенного В. Клейном, см. ниже в основном тексте и сноску 13.

Автор видит две проблемы, которые, по его мнению, не может разрешить анализ перфекта (по-видимому, все же англ. Перфекта) на основе понятия «текущей релевантности». Первая заключается в самом понятии «текущей релевантности», неопределенном и, соответственно, неопровержимом. Далее отмечается, что «всегда можно найти причину (to find a reason), по которой событие все еще обладает особой релевантностью по отношению к настоящему» [Klein 1992]. И в качестве иллюстрации приводятся два предложения с англ. Претеритом (Simple Past), относительно которых, по мнению В. Клейна, невозможно утверждать, что сообщаемые в них события — ‘выиграть миллион в лотерею’ и ‘купить акции нефтяной компании’ — не обладают «текущей релевантностью»:

(2a) *Why is Chris so cheerful these days? — Well, he won a million in the lottery.*

(2б) *Unfortunately, he bought oil shares with all his money. He lost every penny, so he is now as poor as before.*

(пример (18) из [Там же: 531])

Обсуждение этих примеров завершается следующим выводом: интуиция относительно «текущей релевантности», возможно, очень сильна, но само по себе понятие требует более строгого определения [Там же].

Наблюдение В. Клейна, высказанное по поводу примера (2), представляется более чем уместным, в отличие от вывода и требования формализации обсуждаемого понятия. На мой взгляд, единственно возможная формализация прагматического понятия «текущей релевантности» осуществляется говорящим при выборе им формы перфекта, а не аориста (или претерита — при отсутствии в языке противопоставления имперфект ~ аорист) как ближайшего конкурента перфекта, т. е. при выборе перфективной граммемы, способной обозначить предшествующую моменту речи ситуацию (событие или состояние). Другая формализация в этом случае вряд ли доступна, так же как, например, вряд ли возможно формализовать предпочтение, время от времени оказываемое говорящим презентной форме, Praesens Historicum, в ущерб законному претериту для обозначения события (или ряда событий в нарративной цепочке) в прошлом.

Впрочем, предложенная самим В. Клейном (в рассматриваемой статье) формализация англ. Перфекта, основанная на несколько видоизмененной концепции Х. Рейхенбаха [Reichenbach 1947], представляется вполне адекватно отражающей специфику перфекта. Дополнительным условием при этом является отказ от (обозначенного Клейном как прагматического) принципа «ограничения на позиционную определенность» (P-Definiteness Constraint)¹³ [Klein 1992: 546], который призван обосновать несочетаемость англ. Перфекта с темпорально-специфицированными адвербиалами. Приведем схему В. Клейна (без указанного ограничения):

		TENSE	PART	ASPECT	PART
(3)	<i>Chris had been in York.</i>	TT	<	TU	TT in posttime of TSit
	<i>Chris has been in York.</i>	TT	in	TU	TT in posttime of TSit
	<i>Chris will have been in York.</i>	TT	>	TU	TT in posttime of TSit

[Там же: 538]

TT (=FIN-time) — topic time, the time which is related to whatever is expressed by the finite component of the utterance; TU — the time at which the utterance is made; TSit (=INF-time) — time of situation, the time which is related to whatever is expressed by the nonfinite component of the utterance [Там же: 532, 537]

То есть концепция В. Клейна сводится, в общем, к следующему: в случае перфекта (выделенная полужирным строка, выделение мое. — Е. Г.) имеется совмещение фокуса (TT — topic time; соответствует R — референциальной точке у Рейхенбаха) с моментом речи (TU — время высказывания, которое морфологически кодируется презентной формой вспомогательного глагола; соответствует S — моменту речи у Рейхенбаха) и этот фокус расположен позже (in posttime) времени обозначаемой ситуации (TSit; соответствует E — времени события у Рейхенбаха). Последнее кодируется нефинитной формой

¹³ Это ограничение формулируется следующим образом:

P-DEFINITENESS CONSTRAINT:

In an utterance, the expression of TT and the expression of TSit cannot both be independently p-definite. (This excludes utterances like (i) and (ii): (i) **At seven, Chris had left at six*; (ii) **Chris has left at six*.)

и характеризуется как: «a pragmatic constraint, not a semantic or even a syntactic one» [Klein 1992: 546].

(в случае АЯ, как и ИЯ, — пассивным причастием прошедшего времени). В целом, думается, предложенная В. Клейном формализация довольно точно соответствует понятию «текущей релевантности», ср., напр., с определением Б. Комри: «перфект обозначает сохраняющуюся в настоящий момент релевантность ситуации в прошлом» (the perfect indicates the continuing present relevance of a past situation) [Comrie 1976: 52].

Случаи внешне ничем не обоснованного выбора говорящим из пары перфект vs. претерит (или аорист) отмечались в литературе неоднократно, причем на материале различных «перфектных» языков. В частности, в [Slobin 1994: 119] отмечается, что родители при общении с маленькими детьми для описания одной и той же денотативной ситуации попеременно используют то прошедшую форму Past Simple, то перфектную Present Perfect: *Myron drew a dragon!* или *Myron's drawn a dragon!* Д. Слобин полагает, что при этом ребенок осознает синонимичность обеих форм, поскольку они обозначают одну и ту же (денотативную) ситуацию. Однако презумпция, в соответствии с которой каждая форма обладает специфической коммуникативной функцией, подводит ребенка к выводу о существовании дискурсивно-прагматического различия между этими двумя способами обозначения осуществившегося с предшествованием относительно момента речи события.

Трактовку специфики англ. Перфекта через дискурсивные свойства находим в [Падучева 2008], ср.: «Present Perfect — форма настоящего времени речевого режима: она ориентирована именно на говорящего, на момент речи; это первичный дейксис» [Там же: 71]. Далее в этой работе автор переводит полученный результат на типологический уровень, ср.:

Предлагаемый анализ позволяет дать объяснение типологическим наблюдениям из [Dahl 1985].

1. Факт, отмеченный в [Там же]: формы PRFT (перфект) не употребляются в нарративе. Даль не дает объяснения этому ограничению, между тем, понятие режима позволяет объяснить дискурсивное поведение формы Present Perfect из ее внутрифразовых свойств. Отличие англ. PRFT от русского PFV (перфектива, т. е. сов. вида) состоит в том, что форма PFV — вторичный эгоцентрик и не привязана к какому-то одному режиму, т. е. употребляется не только в разговорной речи, но и в нарративе относительно текущего момента текста.

2. Установленная первичная дейктичность формы Present Perfect позволяет уточнить тезис о несочетаемости Present Perfect с такими показателями, которые обозначают интервал, включающий момент речи.

3. Подтверждается отличие Present Perfect от Past Perfect: Past Perfect — это относительное время; оно требует всего лишь точки отсчета, и ничто не противоречит его употреблению в обоих режимах [Падучева 2008: 73].

Все основания усомниться в правомерности данного типологического обобщения дает исп. Перфект, к анализу специфики которого мы и перейдем.

Для ИЯ конкуренция Перфекта и Аориста, подобная отмеченной в [Slobin 1994], особенно характерна, поскольку распространяется и на случаи с наличием темпоральной спецификации ситуации на оси времени. Здесь мы, пропустив второй, сразу переходим к третьему пункту из списка затруднений «текущей релевантности»¹⁴ в разрешении «перфектной головоломки»: «[анализ с помощью понятия текущей релевантности] не способен объяснить, почему событие (процесс или состояние) не может быть точно локализовано во времени» [Klein 1992: 531]. Существенно, что для ИЯ приведенное положение попросту неверно, поскольку обозначенная Перфектом ситуация может быть точно локализована во времени. При этом ситуация в таких случаях совершенно законно может быть обозначена и при помощи Аориста, ср.:

(4a) *Ayer he comprado* (PRF) *un aire acondicionado y me da calor* (BCON014B)

‘Yesterday I bought (Present Perfect) an air conditioner and I’m getting heat [from it]’

(4b) *Estas son prácticamente iguales a las que compramos* (AOR) *ayer* (CCON013C)

‘These are practically the same as the ones we bought (PRET) yesterday’
(пример из [Schwenter, Cacoullos 2008: 2])

¹⁴ Вторая проблема заключается в следующем: понятие текущей релевантности неспособно, утверждает В. Клейн, объяснить грамматичность первого и неграмматичность второго предложения:

a. *Chris was dead.*

b. **Chris has been dead.*

поскольку отсутствие «текущей релевантности» в (a) может быть принято, но ее присутствие в (b) невозможно (если только не верить в воскресение) [Klein 1992: 531].

В (4) в обоих случаях имеются формальные основания для трактовки ситуации ‘купить’ как реализованной в прошлом и обладающей «текущей релевантностью» — таким основанием можно считать презентные формы: в (4а) *y me da calor* ‘и (он) меня греет’, в (4б) — *son prácticamente iguales* ‘они суть’ практически такие же’. В обоих случаях также имеется наречие *ayer* ‘вчера’. Однако говорящий в (4а) использовал Перфект, эксплицитно указав на свою оценку ситуации ‘купил(а)’ как обладающей (с его точки зрения) текущей релевантностью в момент речи, а в (4б) такое указание, по-видимому, в коммуникативный замысел не входило, что и нашло выражение в использовании Аориста.

Пример из [Fleischman 1983: 198]:

- (5а) *Hoy me **he levantado** (PRF) a las siete.*
 (5б) *Hoy me **levanté** (AOR) a las siete.* (в обоих случаях — ‘Сегодня я встал(а) в семь часов’)

(С. Флейшман поясняет, что опрошенные ею информанты — носители различных (как американских, так и пиренейских) диалектов ИЯ — склонялись к аористному варианту (5б), но и перфектный вариант (5а) считали полностью приемлемым (имелось в виду, что фраза должна была служить ответом на вопрос ‘Почему ты выглядишь таким усталым?’) [Там же]).

Еще один пример:

- (6) — *¿Sabe, don Pedro, que derrotaron al Tilcuate? — Sé que hubo alguna balacera anoche, porque **se estuvo oyendo** (PROG. AOR) el alboroto; pero de ahí en más no sé nada. ¿Quién te lo contó, Gerardo?* [Rulfo 1995: 83]
 ‘— Вы знаете, дон Педро, что Тилькуате разбили? — Знаю, что вчера вечером была какая-то перестрелка, потому что **слышался** шум; но больше ничего не знаю. Кто тебе это (рас)сказал, Херардо?’

Пример (6) представляет собой текстовый фрагмент, который в числе других участвовал в опросе, в ходе которого носителям ИЯ (г. Гранада, Андалусия, Испания, студенты филологического факультета Гранадского университета) предлагалось заполнить лакуну на месте авторской формы (ею был Прогрессивный Аорист), осуществив

выбор из 8 предложенных видо-временных форм глагола (ВВГФ) плана прошедшего (Перфект, Имперфект, Аорист, Плюсквамперфект в непрогрессивной и прогрессивной реализации). Информанты предложили 14 различных комбинаций ВВГФ¹⁵ для заполнения лакуны (было получено 42 ненулевых ответа). На 1 месте оказался Прогрессив(ный) Перфект (13 случаев выбора), на 2-ом — Прогрессив(ный) Имперфект (7) и только на 3-ем — авторский Прогрессивный Аорист (5), 4-ое и 5-ое место с 3 случаями выбора разделили Непрогрессивный Аорист и Прогрессивный Плюсквамперфект. То есть и в этом случае наблюдается конкуренция, причем не только Перфекта и Аориста — на первое место вышла конкуренция Перфекта и Имперфекта.

Приведем также данные из [Schwenter 1994], где описан эксперимент с носителями ИЯ из г. Аликанте. Автор предлагал информантам (42 человека) выбрать одну из ВВГФ, предложенных для заполнения лакуны: (непрогрессивный) Перфект или Аорист, как это представлено в (7) и (8).

- (7) *El perro de al lado me (ha ladrado, ladró)*
 the dog of the next door me have:3 SG barked barked
esta mañana.
 this morning
 ‘The dog next door me (has barked, barked) this morning.’

- (8) *El año pasado (he suspendido, suspendí) dos exámenes.*
 the year passed have:1 SG flunked flunked two exams
 ‘Last year, I (have flunked, flunked) two tests.’

(примеры (21) и (22) из [Там же: 88])

Результаты опроса представлены ниже в Таблице 1 (в [Там же: 88]¹⁶ — Таблица 2).

¹⁵ Инструкция к вопроснику разрешала выбор нескольких ВВГФ (и их ранжирование по степени приемлемости), если информанту представлялось возможным заполнить лакуну более чем одним способом. Этим объясняется появление комбинаций ВВГФ. Подробнее см. в [Горбова 2011].

¹⁶ Автор трактует результаты своего опроса как свидетельство грамматикализации Перфекта, его дрейфа в сторону Аориста (ниже мы еще вернемся к этому исследованию и сделанным на его основе выводам). Однако немаловажным обстоятельством представляется также наличие разных решений информантов по заполнению лакуны, причем, заметим, в обоих случаях указание на темпоральную спецификацию ситуации присутствует: с семантикой *hodiernal* или *pre-hodiernal*.

Таблица 1. Процентное соотношение форм прошедшего в соответствии с адвербиальным показателем
(по результатам анализа ответов информантов)

	PP (Перфект), %	Pret (Аорист), %	N
«Today» adverb	86	14	294
Pre-«Today» adverb	28	72	336

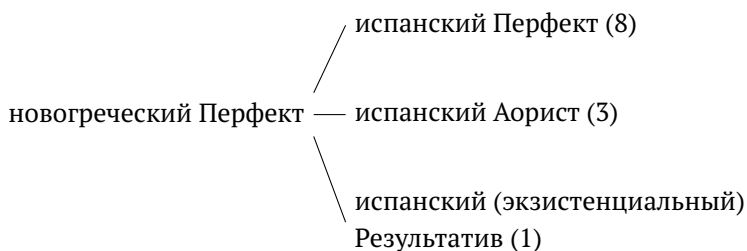
Подобного рода конкуренция Перфекта и Аориста имеет достаточно богатую традицию изучения и обсуждения (начиная с [Meयर-Lübke 1900; Alarcos Llorach 1947]), подробнее см. [Горбова 2013]. Здесь же важно отметить, что несочетаемость перфекта с темпоральной спецификацией является, по-видимому, свойством англ. Перфекта¹⁷, но, по крайней мере, не испанского. Приведем один из выводов недавнего исследования вариативности PRF и AOR в пиренейском варианте ИЯ: «Despite our conclusion that specificity (especially of Temporal Reference) acts to recall the already-terminated nature of past events, and thus favors Preterit use, the fact remains that speakers still used the P(resent)P(erfect) 9% of the time in cases where the Temporal Reference was specified» [Holmes, Balukas 2011: 88]. Отметим также в этой связи работу [Ландер 2002], посвященную сочетаемости перфекта с обстоятельствами конкретного времени и написанную в основном на русском материале, а также замечания о подобной сочетаемости в финском и болгарском в [Lindstedt 2000: 370] и шведском языке в [Dahl 1985: 137–138]. Заметим, что для объяснения столь различных сочетаемостных особенностей конкретно-языковых реализаций перфекта можно предложить альтернативу: либо не считать англ. Перфект образцовым репрезентантом перфекта (как единицы из Универсального грамматического набора [Плунгян 2000; 2011a], и, как следствие, не рассматривать несочетаемость с обозначением точки на временной оси как специфическую характеристику перфекта. Либо полагать, что реализация перфекта в тех языках, в которых соответствующая форма сочетается с темпорально-специфицированными

И оно не мешало носителям ИЯ (в отличие от носителей нормативного британского АЯ) употребить Перфект, пренебрегая сформулированным в [Klein 1992: 546] ограничением (P-Definiteness Constraint), см. выше сноску 13.

¹⁷ Впрочем, и относительно АЯ не раз приводились наблюдения о возможности темпоральной спецификации перфекта, см., напр., [Comrie 1976: 54, сноска 3; Миллер 1998: 309, 312].

адвербиалами, демонстрирует аористический дрейф. В современной литературе, на фоне бурного развития теории грамматикализации, превалирует второе объяснение (подробнее см. в [Горбова 2013]).

Еще один аргумент в пользу адекватности понятия «текущей релевантности» вытекает из контрастивного исследования на материале корпуса параллельных текстов со следующей парой языков: новогреческий — испанский¹⁸. (Выбор новогреческого был обусловлен тем, что этот язык известен своим специфическим использованием (также аналитического) Перфекта — обстоятельство, которое, в частности, способствовало трактовке «текущей релевантности» как шкалы, отражающей последствия постепенного процесса ее утраты, в [Dahl, Hedin 2000]; по мнению авторов, в новогреческом связь Перфекта с «текущей релевантностью» слабее, чем в языках типа английского и шведского [Там же: 395–398].) В основе корпуса — текст романа «Последнее искушение» Никоса Казандзакиса (1955) и его перевод на испанский язык. Количественные данные таковы: в новогреческом оригинале присутствует 12 перфектных форм, в испанском переводе — 500 (из них 468 — Перфект в индикативе, 24 — Перфект в конъюнктиве (сослагательном наклонении), 8 — так называемое сложное будущее в модальном употреблении, т. е. конструкция, темпорально равная Перфекту). При этом испанские соответствия 12 новогреческим Перфектам распределены следующим образом:



Приведем фрагменты из нашего двуязычного корпуса, демонстрирующие различные соответствия ВВГФ новогреческого и испанского глагола.

¹⁸ Приношу благодарность Екатерине Бернацкой, оказавшей неоценимую помощь в работе с новогреческой частью нашего (неэлектронного) корпуса параллельных текстов.

Перфект — Перфект (8 случаев из 12, т. е. $\frac{2}{3}$ всех соответствий):

- (9) *Tί χαρά είναι ετούτη, αδέρφια, έλεγε και ξανάλεγε ο Πέτρος και δέν μπορούσε ν' απογορτάσει τό αποψινό ξεκίνημα και τή γλύκα τής συντροφιάς. Αλήθεια είναι ετούτο; όνειρο είναι; μάγια μας έχουν κάμει* (PRF); (XV)

— ¡Qué gran alegría, hermanos! — repetía una y otra vez Pedro. Aquella caminata nocturna y la dulce camaradería le hacían sentirse completamente feliz —. ¿Vivimos en la realidad? ¿Soñamos? ¿Nos **han hechizado** (PRF)?

‘Какая великая радость, братья! — вновь и вновь повторял Петр — ночная прогулка и сладкое чувство локтя делали его совершенно счастливым. — Правда ли это все? Сон ли? Нас околдовали?’

Перфект — Аорист (3 случая из 12, т. е. $\frac{1}{4}$ всех соответствий):

- (10) — *Γιά όνομα του Θεοϋ, ακούστηκε πάλι ή φωνή τής Μαρίας, είναι άρρωστος, άρρωστος! τό μυαλό του έχει σαλέψει* (PRF), *λυπηθείτε τον!* (XXI)

— ¡En el nombre del cielo! — repitió la voz de María —. ¡Está enfermo! ¡Su cerebro **se perturbó** (AOR), tened piedad de él!

‘Во имя неба! — вновь прозвучал голос Марии. — Он болен! Его разум **помутился**, сжальтесь над ним!’

- (11) *«Ερχουμαι από τήν έρημο, αποκρίθηκε αυτός, κι ή φωνή του ξαφνικά είχε γίνει βαθιά πολύ κι όλοι στράφηκαν καί τόν κοίταξαν, έρχουμαι από τήν έρημο κι είδα* (AOR) — *τρεις άγγελοι έχουν κιόλα κινήσει* (PRF) *από τόν ουρανό νά πέσουν απάνω στή γής, τους είδα* (AOR) *με τά μάτια μου, φάνηκαν στήν άκρα τ' ουρανού, έρχονται!* (XVIII)

— Vengo del desierto — respondió Jesús, cuya voz se había vuelto repentinamente muy grave; todo el mundo se volvió para mirarlo —; vengo del desierto y he visto (PRF) tres ángeles que **partieron** (AOR) del cielo para abatirse sobre la tierra; los vi (AOR) con mis propios ojos; aparecieron en el extremo del cielo..., ¡y ya llegan!

‘Я иду из пустыни, ответил он, и голос его внезапно стал грубым, и все повернулись и на него посмотрели — я иду из пустыни и я видел — три ангела уже **отправились** с неба, чтобы упасть на землю, я видел их своими глазами, они появились на самом краю неба, и вот они уже приближаются!’

Перфект — (экзистенциальный) Результатив (1 случай из 12, т. е. $\frac{1}{12}$ всех соответствий):

- (12) — *Ἀφήσέ με! ἀφήσέ με! Μ' ἔχουν τάξει* (PRF) *στό Θεό και πάω να τόν συντύχω στὴν ἐρημο! φώναξε και πήρε δρόμο.* (VI)
— ¡Déjame! ¡Déjame! **Estoy consagrado** (RES) *a Dios y voy a hablar con él en el desierto — gritó.*

‘Оставь меня! Оставь меня! (Я) **предназначен** Богу и иду в пустыню говорить с ним, — закричал (он)’

Особенно показателен пример (12), в котором три последовательные финитные формы ‘видел’, ‘отправились’ и ‘видел’ оформлены в новогреческом как (AOR) — (PRF) — (AOR), а в испанском — как (PRF) — (AOR) — (AOR) (полужирным выделено то соответствие, которое оценивалось в классификации примеров). При этом все три ВВГФ присутствуют в реплике персонажа (т. е. точка отсчета — момент речи) и в контексте имеется подкрепление оценки событий как обладающих текущей релевантностью в виде обрамляющих реплику презентных форм: ‘я иду’ слева и ‘(они) уже приближаются’ справа.

В отличие от авторов работы [Dahl, Hedin 2000] я склонна трактовать столь разительно различающееся употребление перфекта в новогреческом и испанском (особенно яркая цифра — 500 перфектных форм в ИЯ на 12 в НВГ) не как свидетельство «убывающей значимости текущей релевантности» [Там же: 399] и не как проявление «слабой связи» между новогреческим Перфектом и «текущей релевантностью» [Там же: 396], а как свидетельство высокой степени прагматичности и дискурсивной обусловленности этого понятия.

Завершая обсуждение понятия «текущей релевантности» как основы семантики перфекта, особой аспектуальной граммеы, по выражению Лоры Микаэлис [Michaelis 1998: 10] «перекидывающей мост над пропастью между прошедшим и настоящим»¹⁹, хочется высказаться в пользу трактовки семантической специфики перфекта посредством именно этого понятия. Как представляется, именно

¹⁹ В [Кашкин 1991: 44] находим сходную формулировку: «перфект является особым глагольным временем, имеющим двойственный характер. Это как бы „мостик“ между прошлым и настоящим, взгляд на прошедшее с точки зрения момента речи, последствий действия в настоящем временном плане. Двойственный характер перфекта отмечал еще Г. Пауль [Пауль 1960: 331–332]».

«текущая релевантность» прошедшего события, субъективно оцениваемая говорящим, позволяет объяснить как разнородные случаи употребления (спектр семантических вариантов) перфектной формы в одном языке, так и различные решения по поводу употребления или неупотребления перфекта в разных «перфектных» языках (см. выше несовпадение решений в параллели новогреческий — испанский язык, а также данные исследования на материале пяти языков [Кашкин 1983; 1991; 1996]). Приведем также мнение Д. В. Сичинавы, с которым я полностью согласна: «⟨...⟩ „неустойчивость“ [перфекта. — Е. Г.] объясняется спецификой [его] базового значения, связанного не с объективным вещественным значением (как результатив), не с объективной временной локализацией (как простое прошедшее), не с характеристиками ситуации (как аспектуальные показатели), а с предельно субъективной, определяемой условиями речевого акта прагматической „релевантностью“ выражаемой ситуации. ⟨...⟩ Кроме того, противопоставление между несколькими синонимичными формами в одной системе часто опирается на противопоставления неденотативного, прагматического или дискурсивного плана (ср. [Dahl 2004]; а также [Даль 2009]. — Е. Г.) — а базовое значение перфекта само связано с прагматикой; соответственно, в отношении, близкие к синонимичным, он вступает скорее с другими элементами парадигмы — результативом и простым прошедшим» [Сичинава 2008: 744]²⁰. Впрочем, перечень лингвистов, отмечавших в своих работах субъективность, прагматичность выбора говорящим перфекта из ряда: претерит — перфект — результатив — ходиернал (= иммедиатное прошедшее, если в языке существует отдельная форма или конструкция с таким значением), довольно внушителен. В. Б. Кашкин, исследовавший употребление перфекта на пятиязычном корпусе параллельных текстов — английского, немецкого, французского, испанского, итальянского, пишет: «⟨...⟩ практически любое действие в прошлом приводит к изменению положения вещей в настоящем. Объективные критерии выбора

²⁰ В связи с последним утверждением: показательно, что в параллель к трети употреблений новогреческого Перфекта испанский язык (в лице переводчика) поставил (экзистенциальный) Результатив и Аорист (в определенном смысле аналог упомянутого в цитате простого прошедшего).

перфект/претерит вряд ли можно установить» [Кашкин 1991: 44]. На возможное единство денотата при различии сигнификатов у перфекта и претерита указано в [Тураева 1979: 106]; отражение этими двумя граммемами различного понимания субъектом речи прошлого отмечается в [Dušková 1983: 123]; как индикатор значимости изменения положения вещей для говорящего, а не обусловленности внешними факторами, как элемент «языковой игры», где решающая роль — за субъектом речи: *Myself, not Nature*, охарактеризован перфект в [Hintikka, Kulas 1983: 120–121]; как чрезвычайно субъективная охарактеризована «текущая релевантность», выражаемая перфектом, в [Harris 1982: 55]; в [McCoard 1978: 15] речь идет о подверженности использования перфекта или претерита фактору трудно предсказуемой концептуализации ситуации со стороны говорящего («the speaker's conceptualization intervenes constantly»); на, по-видимому, постоянно существующую для говорящего возможность осуществить свой выбор при оценке ситуации и ее кодировании, указывается в [Svoboda 1976: 210]; перфект рассматривается как «субъективное» время в противовес «объективному» претериту в [Кашкин 1983; 1991]; как частично пересекающиеся грамматические категории оцениваются англ. Перфект и Претерит (*partially overlapping grammatical categories*) в [Michaelis 1998: 112]; «текущая релевантность» оценивается как субъективное понятие, подверженное различной интерпретации при переходе от языка к языку и даже от диалекта к диалекту в рамках одного языка в [Fleischman 1983: 200]; пониженная степень фокализации события и повышенная — результата усматривается у исп. Перфекта при признании за самим говорящим права на выбор перфекта или аориста в [Westerholm 2010: 33].

3. Семантический спектр перфекта и испанский Перфект

3.1. Системная обусловленность семантики

Вопрос о проблемах испанского Перфекта, вынесенный в заголовок работы, связан с его семантикой (полной или неполной реализацией установленного в типологии семантического спектра), функционированием (т. е. отношением к двум основным дискурсивным ограничениям), системным положением этой граммемы и ее местом на пути грамматикализации. Все эти вопросы представляются

взаимосвязанными и взаимовлияющими. Далеко не в последнюю очередь специфика исп. Перфекта связана, как думается, с наличием в аспектуально-темпоральной зоне ИЯ противопоставления Имперфект ~ Аорист. Без преувеличения, большая часть проблем исп. Перфекта связана с наличием Аориста, поскольку между Перфектом и Аористом обнаруживается существенная семантическая близость: с аспектуальной точки зрения обе граммы являются перфективными и одинаковыми в том смысле, что (вне сочетания с Прогрессивом) актуализируют достижение предела (кульминацию) у соотнесенных с (естественным, правым) пределом глагольных предикатов. Соответственно, именно взаимоотношения этих двух сосуществующих в одной системе перфективных грамм и порождают большую часть требующих обсуждения вопросов. Здесь видится следующий перечень подлежащих обсуждению вопросов: доступный для исп. Перфекта семантический спектр (раздел 3.2, подробнее см. в [Горбова (в печати)]); вопрос о типологически ожидаемых дискурсивных ограничениях и о месте перфектной граммы ИЯ на известном пути грамматикализации, начало которого маркируется результативом, а завершение — претеритом (раздел 3), подробно в [Горбова 2013].

3.2. Семантический спектр испанского Перфекта

Лингвоспецифический характер отбора испанским языком перфектных значений из имеющегося типологического ассортимента не раз отмечался в литературе. В частности, имеются указания на отсутствие у испанского Перфекта так называемого инклюзивного (континуативного, универсального) значения²¹ [Bergareche 2008: 98; Martínez-Atienza 2008: 206]. Аргумент — сравнение внешне синонимичных английского и испанского предложения:

²¹ Оно же в литературе обозначается как (perfect of) Persistent situation [Dahl 1985: 132; Zagona 2008: 120] (со ссылкой на [McCawley 1971; Comrie 1976]), Perfecto U(niversal) [Iatridou, Anagnostopoulou, Izvorski 2008: 154], Perfecto Continuativo [Martínez-Atienza 2008: 206]. В работах В. Б. Кашкина, впрочем, инклюзивность и континуативность не являются абсолютными синонимами: континуативное функция входит в набор аспектуальных функций перфекта, а инклюзивная — темпорально-таксисных [Кашкин 1991: 69]. Мы будем следовать терминопотреблению, сложившемуся в англоязычной типологии, считая указанные термины синонимичными и избрав в качестве основного наименования инклюзивное значение.

(13) *James has been sick since 2003.*

(14) *Jaime ha estado enfermo desde 2003.*

В [Martínez-Atienza 2008: 206] утверждается, что в пиренейской разновидности ИЯ высказывание (14) имеет следующий смысл: ситуация, выраженная предикатом *ha estado enfermo*, началась так же, как и в англ. (13), в 2003 году, но, в отличие от своей английской параллели, не существует в момент речи, завершившись ранее и, таким образом, на него не распространяясь. Отмечено также, что для выражения того смысла, который имеет (13), в ИЯ следует использовать глагольную конструкцию *llevar + gerundio*. Впрочем, в литературе представлено и противоположное мнение, см. [Squartini, Bertinetto 2000; Kempas 2008]. Например, в [Squartini, Bertinetto 2000: 414] и в [Kempas 2008: 242] наличие того же инклюзивного значения Перфекта (в [Там же] оно обозначено как *Perfecto Continuativo*) иллюстрируется примером (одним и тем же в обеих работах!) —

(15) *He vivido aquí toda mi vida.*

‘Я (про)жил здесь всю свою жизнь’,

который в работе Ильпо Кемпаса интерпретируется как обозначающий «событие как длящийся (*continuo*) процесс, продолжающийся в референциальной точке, не обнаруживая (признаков) своего окончания» [Там же]²². В [Iatridou, Anagnostopoulou, Izvorski 2003; 2008: 154]

²² На мой взгляд, в этой фразе интерпретация ситуации как длящейся и в момент речи (он же — референциальный) не является единственно возможной. Фраза (как минимум) двусмысленна, поскольку возможна и противоположная интерпретация — ‘(про)жил, но больше не живу’. Для гарантирования первого прочтения следовало употребить конструкцию *llevar + gerundio* или просто презентную форму глагола: *vivo aquí toda mi vida* ‘я живу здесь всю мою жизнь’. Эта интуиция поддержана также в [Nueva gramática 2009], где отмечается, что «предложение *He trabajado veinte años para él* ‘(Я) (про)работал на него 20 лет’ может породить инференцию *‘Sigo trabajando para él* — (Я) продолжаю на него работать’ (прочтение *antepresente continuo*) или *‘Ya no trabajo para él* — (Я) уже не работаю на него’ (прочтение *antepresente no continuo*). Обе инференции с одинаковой степенью естественности допускаются в европейском испанском (за исключением Канарских островов и северо-запада Пиренейского полуострова), на Антильских островах, в Андах (особенно в Боливии и Перу) и на северо-западе Аргентины, при наличии, с другой стороны, явного предпочтения первой из этих инференций на остальной испаноязычной территории Америки» [Там же: 1726].

утверждается, что для реализации подобного значения предикат должен быть неопределенным (*no acotado*), что понимается либо как не соотносительный с пределом, либо не достигающий предела ([Там же]; испанский материал в работе не рассматривается). Интересно также отметить факт отсутствия фиксации экспериенциального значения у Перфекта в пиренейской («кастильской») разновидности ИЯ в [Bergareche 2008: 98] при более обычном его включении в кластер реализуемых значений (например, в [Squartini, Bertinetto 2000: 414–415; Nueva gramática 2009: 1735]).

Обсуждению семантического спектра исп. Перфекта и вопросу о его соответствии или несоответствии известному в типологии перечню из четырех значений перфекта (см. выше раздел 1.2;) посвящена работа [Горбова (в печати)]. Предложенное в ней обсуждение семантического спектра перфекта как граммемы Универсального грамматического набора (понятие из [Плунгян 2000; 2011a: 93–100]) и ее испанского репрезентанта позволило выдвинуть аргументы против равной для всех «перфектных» языков степени пригодности сформированного на основе изучения семантики англ. Перфекта перечня из четырех основных значений этой граммемы. И одновременно — получить аргументацию в пользу «текущей релевантности» как значения перфекта, близкого к статусу инварианта (по крайней мере, на материале ИЯ). Основанием для этого вывода послужила реализация семантики «текущей релевантности» во всех без исключения случаях использования исп. Перфекта, в том числе и в тех, в которых отсутствуют серьезные основания усматривать какое бы то ни было значение из традиционного набора перфектных значений: инклюзивное, имедиатное, экспериенциальное, результативное.

3.3. *Перфект vs. Аорист — противопоставление темпоральное, аспектуальное или в рамках временной дистанции?*

Как уже было упомянуто, основные семантические проблемы исп. Перфекта проистекают из наличия в системе еще одной перфективной граммемы — Аориста (AOR; *Pretérito Perfecto Simple*, синтетическая форма: *canté*). Причем немаловажным оказывается отношение к проблеме включения или исключения из набора значений исп. Перфекта инклюзивного (= континуального, универсального) значения. Естественно, что если исследователь (например, в [Martínez-Atienza 2008]) отказывает Перфекту в реализации данного значения и

не использует понятие «текущей релевантности» как специфический признак Перфекта (или, напротив, сводит текущую релевантность исключительно к инклюзивности), то семантика обеих граммем оказывается идентичной по отношению к признакам завершенности и предшествования относительно момента речи, ср.: «Отметим, что как в случае с Pretérito Perfecto Compuesto (PRF, CP. — Е. Г.), так и в случае с Pretérito Perfecto Simple (AOR, SP. — Е. Г.) ситуация завершается в прошлом, другими словами — с предшествованием относительно момента речи»²³ [Martínez-Atienza 2008: 215]. Подобного же мнения придерживается и Д. Вестерхольм, ср.: «⟨. . .⟩ различие между аналитическими и синтетическими формами прошедшего времени базируется на ретроспективной перспективе последних, а не на темпорально-хронологическом соотношении между (описываемым речевыми средствами) событием и говорящим или же на завершенности события. В двух предложениях — *Juan ha leído el libro* / *Juan leyó el libro ayer* ‘Хуан (про)читал (PRF) / (про)читал (AOR) книгу вчера’ — в одинаковой степени оказывается возможным, что Хуан закончил чтение *вчера*, и в обоих случаях есть вероятность, что Хуан завершил чтение до момента речи. Обе глагольные формы выражают [+Ant] ([+ предшествование]. — Е. Г.) относительно момента речи, и ни результативность, ни завершенность события — факт прочтения Хуаном всей книги — не дифференцируют в этих предложениях значения глагольных форм» [Westerholm 2010: 32]²⁴. Если же в семантическом спектре Перфекта признается наличие инклюзивного значения, как в работе [Kempas 2008] (вслед за [Fernández 2000: 57–58], по словам автора), то появляется возможность утверждать, что Аорист, в отличие от Перфекта (с учетом его инклюзивного значе-

²³ «Observemos que tanto en el caso del pretérito perfecto compuesto como en el caso del pretérito perfecto simple el evento concluye en el pasado, esto es, con anterioridad al momento del habla» [Martínez-Atienza 2008: 215].

²⁴ «⟨. . .⟩ la diferencia entre las formas compuestas y las formas simples del pasado reside en la perspectiva retrospectiva de aquéllas y no en la relación temporal-cronológica entre el acto verbal y el emisor, ni en la terminatividad del acto verbal. En ambas oraciones, *Juan ha leído el libro* / *Juan leyó el libro ayer*, resulta perfectamente posible que *Juan* hizo la lectura *ayer* y en ambos casos, probablemente, *Juan* ha terminado el acto de leer en el momento de la enunciación. Ambas formas verbales señalan [+Ant] respecto al momento de *ahora* y tampoco es la resultividad o la terminación del acto verbal, lo que *Juan* ha leído todo el libro, lo que diferencia el valor de la forma verbal de estas oraciones ⟨. . .⟩» [Westerholm 2010: 32].

ния), представляет «закрытую перспективу» (*presenta la perspectiva como cerrada*) [Kempas 2008: 243].

Однако и вне зависимости от указанных разногласий по поводу семантического спектра пиренейского Перфекта при анализе данной граммемы порой возникают дополнительные сложности. Например, в [Martínez-Atienza 2008] (где отрицается инклюзивное значение), в продолжение традиции довольно ранней работы [Alarcos Llorach 1947], основное различие между двумя граммемами характеризуется, во-первых, как темпоральное (аргументация: обе граммемы аспектуально характеризуются как имеющие аористическое значение, которое приравнивается к перфективному), а во-вторых, это темпоральное различие сводится к различной удаленности описываемой ситуации от момента речи: большей в случае Аориста и меньшей в случае Перфекта [Martínez-Atienza 2008: 219]. Другими словами (если это верно), в системе грамматических категорий ИЯ (в сфере прошедшего) можно усмотреть категорию временной дистанции с двумя противопоставленными членами: *hodiernal* и *pre-hodiernal*. Однако в рамках той же работы Мария Мартинес-Атиенса обсуждает и две пары примеров, в каждой из которых имеется дейктический адвербиал типа <Х времени назад> (в одной паре — ‘час назад’, в другой — ‘два часа назад’) с наличием Перфекта в первых предложениях и Аориста — во вторых, что квалифицируется как свободное варьирование («*libre alternancia*»), см. [Там же: 217]. Понятно, что к таким случаям общее объяснение противопоставленности двух грамем, предложенное М. Мартинес-Атиенса, не применимо. Относительно обсуждаемых двух пар предложений предлагается другое объяснение, которое, признаюсь, осталось для меня не совсем ясным. Сводится оно к следующему. В контекстах с дейктическим адвербиалом указанного типа и с наличием Перфекта «получает преимущество правило „*hodiernal*“, т. е. речь идет о прошедшем событии, которое локализуется в рамках дня, включающего и момент речи, чем и обусловлено использование *Pretérito Perfecto Simple* (AOR, SP. — *pretérito perfecto compuesto* (Перфекта. — Е. Г.)). В контекстах с теми же дейктическими адвербиалами и с наличием Аориста «получает преимущество правило обстоятельства времени, исключающего момент речи; то есть в этих случаях употребление *pretérito perfecto simple* (Аориста. — Е. Г.) обусловлено тем, что обстоятельство времени локализует событие с предшествованием относительно момента речи»

[Martínez-Atienza 2008: 218]. На мой взгляд, из предложенного объяснения следует, что говорящий на этом языке имеет право выбора интерпретации, чем он и пользуется в зависимости от особенностей своего коммуникативного замысла: выбирает Перфект, если склонен обозначить «текущую релевантность» описываемого в прошлом события в референциальной точке (= topic time по В. Клейну), совпадающей с моментом речи.

В [Kempas 2008] единая со стороны формы аналитическая конструкция *he cantado* (CP = PRF) рассматривается как имеющая два различных семантических прочтения (или, скорее, две группы прочтений), одно из которых соответствует граммеме Перфекта, а другое — граммеме Аориста. В частности, используются следующие обозначения: PPC PERF (Pretérito Perfecto Compuesto Perfecto), PPC AOR (Pretérito Perfecto Compuesto Aoristo) и PPS AOR (Pretérito Perfecto Simple Aoristo) [Там же: 242–243]. В частности, граммема Аориста усматривается в следующих двух примерах, в (16a) — PPS AOR, в (16b) — PPC AOR:

(16a) *Ayer me encontré con Juan.*

‘Вчера я встретился с Хуаном.’

(16b) *Mi mujer me ha llamado hace dos minutos.*

‘Моя жена (по)звонила мне 2 минуты назад.’²⁵

Приведенный автором пример снабжен следующим комментарием: «Из иллюстрации аспектуальной граммемы Аорист в (16) вытекает, что мы не проводим различия между PPS AOR и PPC AOR, рассматривая их как две манифестации одного и того же феномена» [Там же: 243]. В дальнейшем автор, привлекая экспериментальные методы, занимается исследованием конкуренции форм PPS и PPC именно в рамках аористического значения, причем в первую очередь его интересует *contexto prehodiernal*, под которым понимается «временной контекст, предшествующий дню реализации коммуникации» [Там же: 231], относительно же *contexto hodiernal* (HOD, контекста сегодняшнего дня) отмечается, что «в контекстах HOD PPS и PPC AOR находятся в отношениях свободного варьирования, если отнесенное в прошлое событие отстоит от момента речи чуть дальше,

²⁵ См. [Kempas 2008: 243], пример (9).

чем такое, которое может быть охарактеризовано как только что совершившееся» [Kempras 2008: 244]. Результаты экспериментального исследования Ильпо Кемпаса сведены в следующую таблицу [Там же: 262]:

Таблица 2. Частотность использования адвербиальных показателей (ССАА PREH) с PPC (пиренейский испанский и ИЯ в Сантьяго-дель-Эстеро, север Аргентины)

СА	Сантьяго-дель-Эстеро	%	Испания	%
<i>Ayer</i> 'вчера'	32	24,6	23	27,3
<i>Anteayer</i> 'позавчера'	24	18,5	7	8,3
<i>Hace dos días</i> 'два дня назад'	21	16,2	9	10,7
<i>Hace tres días</i> 'три дня назад'	15	11,5	18	21,4
<i>La semana pasada</i> 'на прошлой неделе'	14	10,8	8	9,5
<i>Hace dos semanas</i> 'две недели назад'	5	3,8	4	4,8
<i>Hace un mes</i> 'месяц назад'	5	3,8	5	6,0
<i>Hace unos meses</i> 'несколько месяцев назад'	5	3,8	8	9,5
<i>El año pasado</i> 'в прошлом году'	4	3,1	1	1,2
<i>Hace un año</i> 'год назад'	5	3,8	1	1,2
Итого:	130	100	84	100

Основной вывод автора работы сводится к тому, что на севере Аргентины (Сантьяго-дель-Эстеро) Перфект движется по пути грамматикализации (в сторону претерита) более последовательно и более быстрыми темпами, чем в Испании, достаточно активно осваивая «прехидернальные» контексты. Здесь мы вновь сталкиваемся с активно развиваемой в последнее время темой грамматикализации

исп. Перфекта, определением его места на общем пути грамматикализации (результатив > перфект > перфектив/претерит). Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения, которое и было предложено в [Горбова 2013], а здесь вкратце очерчивается в разделе 4.

4. Испанский Перфект: еще перфект или уже перфектив/претерит?

В этом разделе предполагалось рассмотреть отступления исп. Перфекта от типологических ожиданий: нарушение запрета на сочетаемость с темпорально-специфицированными адвербиалами и нарушение запрета на обозначение последовательных ситуаций в нарративе. Поскольку и то и другое рассматривается как вторжение в аористно-претеритальную сферу и отражает сложные взаимоотношения граммем Перфекта и Аориста в темпорально-аспектуальной системе ИЯ, приведем данные о соотношении обеих граммем по одному из относительно недавних текстов на иберийском ИЯ, после чего ограничимся воспроизведением выводов представленного в [Там же] обсуждения проблемы.

По параллельному корпусу романа современного испанского писателя А. Переса-Реверте «Фламандская доска» [Pérez-Reverte 2005] и его русск. перевода [Перес-Реверте 2001] была произведена сплошная выборка форм исп. Перфекта (активный залог: индикатив — *ha cantado*, конъюнктив — *haya cantado*, пассивный залог: индикатив: *ha sido cantado*, конъюнктив: *haya sido cantado*), соответствующие им глагольные формы в русской части корпуса, а также все формы исп. Аориста (активный залог: индикатив — *cantó*, пассивный залог: индикатив: *fue cantado*; конъюнктив — отсутствует в языковой системе). В данном случае нас более интересует количественное соотношение исп. Перфекта и исп. Аориста. В имеющемся корпусе оно выглядит следующим образом (см. Таблицу 3).

Эти данные свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что процесса, названного в литературе аористическим дрейфом, не происходит: формы Аориста преобладают во всем романе, превышая в среднем частотность употребления Перфекта в 14,63 раза, при этом отмечаются колебания между соотношением AOR/PRF от 33,7 до 8,4 (медиана по главам — 13,06). Эти количественные данные (не имеющие

Таблица 3. Соотношение исп. Перфекта и Аориста в тексте романа
А. Переса-Реверте «Фламандская доска»

глава	PRF	AOR	AOR/PRF	страниц
1	9	303	33,7	39,5
2	16	232	14,5	23,2
3	20	240	12	25,5
4	12	212	17,66	26,2
5	25	210	8,4	21
6	28	246	8,79	30,8
7	4	109	27,25	12
8	15	196	13,06	21,6
9	29	266	9,17	35
10	24	239	9,96	26
11	20	282	14,1	25,3
12	34	353	10,38	30,8
13	11	157	14,27	14,8
14	15	207	13,8	26,6
15	36	448	12,444	41,5
Итого:	298	3700		399,8
среднее арифметическое:	19,87	246,67	14,63	26,65
медиана:	20	239	13,06	26

отношения к семантическому анализу) позволяют усомниться в правильности представлений тех авторов, которые полагают, что «испанский язык входит в ареал перфектной изоглоссы в унификации индоевропейской претеритальной системы», а также в том, что верно предположение, что «по прошествии какого-то значительного периода времени в испанском языке останется унифицированная претеритальная форма *decidido*, правда, в этом случае потребуются экспликация в речи личных местоимений» [Черткова 2004: 118]. Аорист в этом языке слишком частотен для того, чтобы усматривать признаки сдачи им своих позиций Перфекту.

Что же касается обсуждения предположения о протекающем на наших глазах «аористическом дрейфе» исп. Перфекта уже в связи с дискурсивными ограничениями этой граммы с учетом как семантических, так и социолингвистических и диахронических

аргументов, то проведенный в упомянутой работе [Горбова 2013] анализ позволил сделать следующие выводы.

1. При закреплении кодирования относящегося к сфере временной дистанции противопоставления ходиернал / преходиернал за граммемами Перфекта и Аориста (например, в качестве их вторичной функции) естественным образом снимается запрет на обозначение Перфектом последовательных ситуаций в нарративе; при этом вопрос о жесткой корреляции между ходиернальной / преходиернальной сферой и Перфектом и Аористом соответственно остается открытым (на мой взгляд, разумна такая формулировка: ходиернальность способствует использованию Перфекта, но не налагает запрета на употребление Аориста, если в намерения говорящего не входит задача обозначения «текущей релевантности» ситуации).

2. Особые типы дискурса — (устный) рассказ о прошедшем дне и/или жанр дневниковых записей (как его письменный аналог) — способствуют реализации грамлемы Перфекта, но не исключают кодирования отнесенных в прошлое ситуаций Имперфектом и Аористом; при этом, если у противопоставления Перфект ~ Имперфект есть два дифференциальных признака: отношение к текущей релевантности («+» у Перфекта, «-» у Имперфекта) и отношение к возможности обозначить кульминацию у соотнесенной с пределом ситуации («+» у Перфекта, «-» у Имперфекта), то у противопоставления Перфект ~ Аорист различительный признак один — отношение к релевантности в точке отсчета («+» у Перфекта, «-» у Аориста).

3. Перфект, несмотря на перфективность (понимаемую как способность актуализировать достижение предела), не становится эквивалентен Аористу, поскольку и в режиме кодирования ходиернальных ситуаций Перфект продолжает выражать «текущую релевантность», хотя и в несколько трансформированном виде: релевантно для момента речи в первую очередь то, что имело место в незавершенный временной цикл (например, день).

4. В рамках нарратива вместе с ходиернальным Перфектом реализуется и экспериенциальный Перфект; последнему прочтению способствует наличие адвербиалов с иррелевантной и неопределенной темпоральной референтностью.

5. Итоги

Подводя итоги, отметим основные положения проведенного анализа. Прежде всего в этом обсуждении нас интересовала специфика исп. Перфекта на фоне типологических ожиданий (раздел 1), вытекающих из уже сложившегося типологического «портрета» перфекта как «crosslinguistic gram type» — межъязыкового типа грамматических показателей. Можно констатировать, что соответствует этим ожиданиям (и выглядит вполне благополучно) исп. Перфект по отношению к двум моментам: плану выражения (аналитическая посессивная конструкция со служебным глаголом с исходной семантикой ‘иметь’ и неизменяемым причастием — носителем лексического значения) и требованию одновременного наличия в темпорально-аспектуальной системе еще одной перфективной граммы (имеется Аорист).

Остальные актуальные для перфекта характеристики — семантический спектр, дискурсивные ограничения на темпоральную спецификацию ситуации и обозначение цепочки событий в нарративе — представляют для исп. Перфекта не что иное, как проблемы, поскольку соответствующая грамма ИЯ демонстрирует большие или меньшие отклонения от зафиксированных в литературе перфектных «канонов».

Раздел 2 был посвящен обсуждению имеющего уже значительную традицию использования в качестве экспликации специфики перфекта понятия «текущей релевантности». Было показано, что данное понятие, являясь прагматическим, с трудом поддается формализации (как, по-видимому, и все остальные прагматические понятия и инструменты, напрямую связанные с коммуникативным замыслом говорящего). При этом, как представляется, «предельно субъективная, определяемая условиями речевого акта прагматическая „релевантность“ выражаемой ситуации» [Сичинава 2008: 744] в качестве основы семантики перфекта как нельзя лучше объясняет особенности употребления перфекта в различных «перфектных» языках, в том числе, в испанском и новогреческом. Отметим также, что само по себе понятие «текущей релевантности» не порождает несочетаемость перфекта с темпоральной спецификацией обозначаемой ситуации: В. Клейну в [Klein 1992; 1994] после формализации перфекта пришлось отдельно вводить принцип «ограничения на

позиционную определенность», призванный служить обоснованием для характерной для английского Перфекта (Present Perfect) несочетаемости с темпорально-специфицированными адвербиалами.

В разделе 3 были затронуты вопросы семантики исп. Перфекта и его системной значимости — взаимоотношения с граммемами (в первую очередь) Аориста и Имперфекта. Отмеченные на основании анализа литературы разногласия по поводу семантического спектра исп. Перфекта (даже в рамках одного и того же варианта ИЯ, в частности, пиренейского) свидетельствуют, как представляется, о двух существенных отличиях от предсказанной в рамках типологии перфектной семантики. Это, во-первых, весьма спорная реализация исп. Перфектом инклюзивного значения (возможного, по-видимому, лишь в качестве легко подавляемой имплицатуры), что обуславливается, по всей видимости, как наличием специализированной аналитической конструкции с инклюзивным значением *<llevar + gerundio>*, так и предпочтительностью обычной для романских языков (кстати, и русского) стратегии обозначать начавшуюся до момента речи, но наличную и в момент речи ситуацию при помощи презенса. Во-вторых, можно отметить наличие в семантическом спектре исп. Перфекта «аористического» значения, постулируемого, в частности, при сочетаемости с темпорально-специфицированными адвербиалами. Точнее было бы обозначать это значение как «перфективное» — общую аспектуальную семантику Аориста и Перфекта. Думается, однако, что перфективность присутствует как составная часть семантики перфекта всегда, и особенно ярко она проявляется при предельном характере глагольного предиката. При этом дифференциальным признаком Перфекта и Аориста является именно «текущая релевантность», характерная для первого члена противопоставления и нехарактерная для второго.

Раздел 4 был посвящен довольно широко распространенному в современной литературе объяснению нарушения исп. Перфектом дискурсивных ограничений на темпоральную спецификацию ситуации и обозначение цепочки событий в нарративе как следствию (и свидетельству) движения Перфекта по пути грамматикализации, обозначенному как «аористический дрейф». Здесь уместна данная Ю. С. Степановым характеристика семантики (индоевропейского) перфекта с точки зрения его истории: «Одна из самых характерных особенностей индоевропейского перфекта заключается в его

семантике, в той легкости, с которой она преобразуется в другие семантические категории, оставаясь в то же время во многих чертах тождественной самой себе» [Степанов 2004: 325].

Предложенный анализ проблем изучения испанского Перфекта подводит к следующему выводу: все они имеют общий источник — сложившееся в типологии отношение к «стандартам перфектности», ориентированное в первую очередь на характеристики и особенности функционирования английского представителя «перфектного семейства» — Present Perfect — граммемы, семантика которой, отметим, не может быть объяснена через понятие «текущей релевантности» без введения дополнительного ограничения (см. [Klein 1992; 1994]). Таким образом, имеет смысл, по-видимому, постановка вопроса о целесообразности рассмотрения английского варианта перфекта как образцового его представителя, с которого «пишется» типологический «портрет» этого элемента Универсального грамматического набора.

Список условных сокращений

АЯ — английский язык; ИЯ — испанский язык; НВГ — новогреческий язык; англ. — английский; исп. — испанский; PRF, CP — перфект; AOR, SP — аорист (в ИЯ); SP — претерит (в АЯ).

Литература

- Горбова 2011 — Е. В. Горбова. Грамматическая категория аспекта и контекст. Дисс. ... докт. филол. наук. СПбГУ, СПб., 2011.
- Горбова 2013 — Е. В. Горбова. Испанский перфект: Еще перфект или уже перфектив/претерит? // Вопросы языкознания 4, 2013. С. 97–125.
- Горбова (в печати) — Е. В. Горбова. Инклюзивность, иммедиатность, экспериенциальность, результативность: Чем определяется значение перфекта? // Материалы рабочего совещания на тему «Семантика перфекта в языках мира» (в печати).
- Даль 2009 — Э. Даль. Возникновение и сохранение языковой сложности. М.: ЛКИ, 2009.
- Кашкин 1983 — В. Б. Кашкин. Перфект как субъективное время // Вестник ЛГУ (Сер. ист. яз., лит.) 20, 4, 1983. С. 67–70.
- Кашкин 1991 — В. Б. Кашкин. Функциональная типология перфекта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991.

- Кашкин 1996 — В. Б. Кашкин. Континуально-дискретный принцип в универсальной функциональной грамматике. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПбГУ, СПб., 1996.
- Ландер 2002 — Ю. А. Ландер. Перфект и обстоятельства конкретного времени // В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (сост.). Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 300–312.
- Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54.
- Маслов 2006 — Ю. С. Маслов. Перфектность // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Комкнига, 2006. С. 195–209.
- Миллер 1998 — Дж. Э. Миллер. Типология и варианты языка: Английский перфект // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 304–315.
- Падучева 2008 — Е. В. Падучева. Дискурсивные слова и категории: Режимы интерпретации // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики: Грамматические категории в дискурсе. Вып. 4. М.: Гнозис, 2008. С. 56–86.
- Пауль 1960 — Г. Пауль. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2000.
- Плунгян 2011a — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Плунгян 2011б — В. А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира. Доклад, прочитанный на конференции «Перфект на Балканах и вне Балкан». Санкт-Петербург, СПбГУ, 25 апреля 2011 г.
- Сичинава 2008 — Д. В. Сичинава. Связь между формой и семантикой перфекта: Одна неизученная закономерность // А. В. Бондарко и др. (ред.). Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 711–749.
- Степанов 2004 — Ю. С. Степанов. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Тураева 1979 — З. Я. Тураева. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Высшая школа, 1979.
- Черткова 1998 — М. Ю. Черткова. От категории вида к категории времени или наоборот? // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 498–508.

- Черткова 2004 — М. Ю. Черткова. Вид или аспект? К типологии романской и славянской категории (на материале русского и испанского языков) // Вестник Московского университета (Сер. 9. Филология) 1, 2004. С. 97–122.
- Alarcos Llorach 1947 — E. Alarcos Llorach. Perfecto simple y compuesto en español // Revista de Filología Española 36, 1947. P. 108–139.
- Bello 1853 — A. Bello. Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos. Ed. 9.^a. Imprenta de la Biblioteca económica de educación y enseñanza, 1853.
- Bennett, Partee 1978 — M. Bennett, B. Partee. Toward the Logic of Tense and Aspect in English. Indianapolis: IULC, 1978.
- Bergareche 2008 — B. C. Bergareche. El perfecto compuesto (y otros tiempos compuestos) en las lenguas románicas: Formas y valores // Á. C. Gutiérrez (ed.). Tiempos compuestos y formas verbales complejas [Linguística Iberoamericana 34]. Madrid: Vervuert Verla, 2008. P. 65–102.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Cacoullos 2011 — R. T. Cacoullos. Variation and grammaticalization // M. Díaz-Campos (ed.). The Handbook of Hispanic Sociolinguistics. Malden, MA — Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 148–167.
- Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl (ed.) 2000a — Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe: Empirical Approaches to Language Typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dahl 2000b — Ö. Dahl. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe: Empirical Approaches to Language Typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 3–25.
- Dahl 2004 — Ö. Dahl. The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity. Amsterdam: John Benjamins, 2004.
- Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe: Empirical Approaches to Language Typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 385–401.
- Declerck 1991 — R. Declerck. Tense in English: Its Structure and Use in Discourse. London: Routledge, 1991.
- Dowty 1979 — D. Dowty. Word Meaning and Montague Grammar. Dordrecht: Reidel, 1979.

- Dušková 1983 — L. Dušková. Has the English verb system the category of aspect? // *Philologica Pragensia* 3, 1, 1983. P. 14–23.
- Fernández 2000 — L. G. Fernández. *La gramática de los complementos temporales*. Madrid: Visor, 2000.
- Fleischman 1983 — S. Fleischman. From pragmatics to grammar: Diachronic reflections on complex pasts and futures in Romance // *Lingua* 60, 1983. P. 183–214.
- Gutiérrez 2008a — Á. C. Gutiérrez. Los tiempos compuestos del español: Formación, interpretación y sintaxis // Á. C. Gutiérrez (ed.). *Tiempos compuestos y formas verbales complejas* [Lingüística Iberoamericana 34]. Madrid: Vervuert Verla, 2008. P. 13–64.
- Gutiérrez (ed.) 2008b — Á. C. Gutiérrez (ed.). *Tiempos compuestos y formas verbales complejas* [Lingüística Iberoamericana 34]. Madrid: Vervuert Verla, 2008.
- Harris 1982 — M. Harris. The ‘past simple’ and the ‘present perfect’ in Romance // N. Vincent, M. Harris (eds.). *Studies in the Romance Verb*. London — Canberra: Croom Helm, 1982. P. 42–70.
- Hintikka, Kulas 1983 — J. Hintikka, J. Kulas. *The Game of Language. Studies in Game-Theoretical Semantics and its Applications*. Dordrecht: Reidel, 1983.
- Holmes, Balukas 2011 — B. C. Holmes, C. Balukas. Yesterday, All My Troubles Have Seemed (PP) So Far Away: Variation in pre-hodiernal perfective expression in peninsular Spanish // J. Michnowicz, R. Dodsworth (eds.). *Selected Proceedings of the 5th Workshop on Spanish Sociolinguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2011. P. 79–89. (<http://www.lingref.com/cpp/wss/5/paper2508.pdf>)
- Iatridou, Anagnostopoulou, Izvorski 2003 — S. Iatridou, E. Anagnostopoulou, R. Izvorski. Observations about the forms and the meaning of the Perfect // A. Alexiadou, M. Rathert, A. von Stechov (eds.). *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 153–204.
- Iatridou, Anagnostopoulou, Izvorski 2008 — S. Iatridou, E. Anagnostopoulou, R. Izvorski. Algunas observaciones sobre la forma y el significado del Perfecto // Á. C. Gutiérrez (ed.). *Tiempos compuestos y formas verbales complejas* [Lingüística Iberoamericana 34]. Madrid: Vervuert Verla, 2008. P. 151–200.
- Kempas 2008 — I. Kempas. El pretérito perfecto compuesto y los contextos prehodiernales // Á. C. Gutiérrez (ed.). *Tiempos compuestos y formas verbales complejas* [Lingüística Iberoamericana 34]. Madrid: Vervuert Verla, 2008. P. 231–273.
- Klein 1992 — W. Klein. The present perfect puzzle // *Language* 68, 3, 1992. P. 525–552.
- Klein 1994 — W. Klein. *Time in Language*. London: Routledge, 1994.

- Lindstedt 2000 — J. Lindstedt. The perfect — aspectual, temporal and evidential // Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe: Empirical Approaches to Language Typology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 365–383.
- Martínez-Atienza 2008 — M. Martínez-Atienza. Dos formas de oposición en el ámbito románico entre el pretérito perfecto compuesto y el pretérito perfecto simple // Á. C. Gutiérrez (ed.). *Tiempos compuestos y formas verbales complejas [Lingüística Iberoamericana 34]*. Madrid: Vervuert Verla, 2008. P. 203–229.
- McCawley 1971 — J. D. McCawley. Tense and time reference in English // Ch. Fillmore, T. Langendoen (eds.). *Studies in Linguistic Semantics*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971. P. 96–113.
- McCoard 1978 — R. W. McCoard. *The English Perfect: Tense-Choice and Pragmatic Inferences*. Amsterdam: North-Holland, 1978.
- Meyer-Lübke 1900 — W. Meyer-Lübke. *Grammaire des langues romanes*. T. 3. Syntaxe. Paris: Welter, 1900.
- Michaelis 1998 — L. A. Michaelis. *Aspectual Grammar and Past-Time Reference*. London — New York: Routledge, 1998.
- Nueva gramática 2009 — Nueva gramática de la lengua española. Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española. Madrid: Espasa Libros, 2009.
- Reichenbach 1947 — H. Reichenbach. *Elements of Symbolic Logic*. New York: Macmillan, 1947.
- Richards, Heny 1982 — B. Richards, F. Heny. Tense, aspect and time adverbials // *Linguistics and Philosophy* 3, 1982. P. 57–154.
- Schwenter 1994 — S. A. Schwenter. The grammaticalization of an anterior in progress: Evidence from a Peninsular Spanish dialect // *Studies in Language* 18, 1994. P. 71–111.
- Schwenter, Cacoullós 2008 — S. A. Schwenter, R. T. Cacoullós. Defaults and indeterminacy in temporal grammaticalization: The “perfect” road to perfective // *Language Variation and Change* 1, 20, 2008. P. 1–39.
- Slobin 1994 — D. Slobin. Talking perfectly: Discourse origins of the present perfect // W. Pagliuca (ed.). *Perspectives on Grammaticalization*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 119–133.
- Squartini, Bertinetto 2000 — M. Squartini, P. M. Bertinetto. The simple and compound past in Romance languages // Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe: Empirical Approaches to Language Typology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 403–439.
- Svoboda 1976 — A. Svoboda. Apropos of internal pragmatics // *Brno Studies in English* 12, 1976. P. 187–195.
- Westerholm 2010 — D. Westerholm. *Funciones del pasado en los sistemas verbales del español y del ruso*. Göteborg: Göteborgs Universitet, 2010.

Zagona 2008 — K. Zagona. Grammatical aspect and construal of compound perfect tenses // Á. C. Gutiérrez (ed.). *Tiempos compuestos y formas verbales complejas* [Lingüística Iberoamericana 34]. Madrid: Vervuert Verla, 2008. P. 119–150.

Источники

Перес-Реверте 2001 — А. Перес-Реверте. Фламандская доска. Пер. Н. Кирилловой. СПб.: Азбука, 2001.

Καζαντζάκης 1955 — Ν. Καζαντζάκης. Ο Τελευταίος Πειρασμός. Αθήνα: Δίφρος, 1955.

Kazantzakis 2001 — N. Kazantzakis. La última tentación. Madrid: Editorial Debate, S. A., 2001.

Pérez-Reverte 2005 — A. Pérez-Reverte. La tabla de Flandes. Barcelona: DeBolsillo, 2005.

Rulfo 1995 — J. C. Rulfo. El abuelo Cheno y otras historias. México — Cuba, 1995.